

Толпившиеся вокруг соседи после недолгого молчания тоже принялись уговаривать женщину:

— Цююнь, послушай, может, вам и правда стоит проверить?

— Да-да, дело говорят...

Они искренне переживали за Чи Цююнь, иначе ни за что не стали бы подпевать этой старой ведьме, тётушке Лю, сказавшей те слова.

У Чи Цин покраснели глаза, она закусила губу почти до крови. Девочка до последнего надеялась: пусть даже пять лет назад Чи Сянь сбежал с деньгами, испугавшись обузы, сейчас он искренне раскаялся и вернулся к ним. Но кто же знал, что на следующий же день после возвращения он снова исчезнет?

И неважно, что он ушел искать работу. Позавчера вечером он даже позвонил и сказал, что нашел подходящее место, но компания горит сроками, поэтому его вывели на смену сразу же, а вернется он лишь через пару дней.

— Да какая работа?! — язвительно фыркнула тётушка Лю. — Сейчас на любое место по десять человек в очереди стоит. Был бы этот ваш Чи Сянь таким способным, чтоб за один день теплое местечко урвать, разве приполз бы он к вам на шею садиться? Сбежал он, помяните мое слово! Снова денежки прибрал и след простыл. А звонок этот... Пф, проще пареной репы! Боялся, небось, что вы сразу в полицию побежите, пока он из города не выбрался. Не удивлюсь, если он этот разговор заранее записал, просто чтобы время выиграть!

Чи Сянь, наблюдавший за сценой со стороны, лишь мысленно хмыкнул. Напрасно тётушка Лю не пишет детективные романы — чутье у нее поразительное. Тот звонок действительно был предзаписан, исключительно ради того, чтобы успокоить мать и сестру на время его отсутствия.

У Чи Цююнь перехватило дыхание, на глаза набежали слезы. Ей до боли хотелось заткнуть тётушку Лю, утереть ей нос и доказать, что та ошибается — особенно сейчас, когда эта змея пришла лишь для того, чтобы поглумиться. Кому, как не матери, знать своего ребенка? Но жестокие факты говорили сами за себя. Пять лет назад Чи Сянь действительно бросил ее умирать, прихватив четверть миллиона, отложенного на лечение. И сейчас он снова пропал: они оборвали ему телефон, но автоответчик упрямо твердил, что абонент вне зоны доступа. Верить сыну у нее просто не осталось сил.

Даже вспыльчивая тётушка Сун, обычно готовая броситься в бой при малейшей несправедливости, на сей раз смолчала. Видя их раздавленный вид, тётушка Лю ощутила чистейший, ничем не разбавленный триумф.

Три дня назад, взбешенная разоблачениями Чи Сяня, она сломя голову помчалась к невестке — жене своего сына Лю Ляна — требовать ответа. Но та лишь одарила свекровь презрительным

взглядом и велела слугам вышвырнуть ее за дверь. Полномасштабного позора удалось избежать только потому, что в этот момент с работы вернулся сам Лю Лян. Тогда-то до старухи и дошла горькая правда: сын давно знал об изменах жены и прекрасно понимал, что воспитывает чужого ублюдка.

Более того, хваленые дорогие деликатесы и целебные снадобья, которыми Лю Лян якобы одаривал мать от чистого сердца и которыми она хвасталась перед всеми соседями, оказались банальными объедками со стола невестки. Лян просто забирал то, что богачи собирались выбросить. Тётушка Лю едва не лишилась чувств от злости и обиды, но устраивать скандал не посмела. Сын прямо заявил: всем своим благополучием они обязаны влиятельной семье его жены и старому главе семьи Лю из Чанши. Стоит хоть раз оступиться или разгневать хозяев — и их сотрут в порошок. В конце концов, в эпоху апокалипсиса человеческая жизнь не стоит и гроша.

Старуха испугалась. Умирать ей не хотелось, как не хотелось и лишаться сытой, безбедной жизни. Пусть она доедала отбросы за господами, но здесь, на нищих окраинах Цяньши, люди сутками не видели крошки хлеба. На их фоне она жила как королева. И пусть это благополучие было куплено ценой позорных рогов ее сына, тётушка Лю держалась за него зубами. Но унять клокочущую злобу она не могла, несмотря на клятвенные обещания Лю Ляна рано или поздно подарить ей «настоящего», единокровного внука. Раз уж невестку трогать было смертельно опасно, она решила отыграться на семействе Чи.

Если бы не проклятый Чи Сянь, вытащивший это грязное белье на свет, она бы ни о чем не догадалась, не опозорилась бы перед богатой родней и не лишилась остатков гордости. До нее наконец дошло: его притворная «благодарность» в тот день была изощренным издевательством. Он намеренно растоптал репутацию ее семьи перед соседями. Жажда мести, тётушка Лю примчалась в трущобы и, услышав от местных сплетников, что Чи Сянь снова бесследно исчез, поняла: пробил ее час.

Она победно ухмыльнулась:

— Да если этот паршивец не обокрал вас снова, я фамилию сменю на вашу!.. Нет, мало... — Ей показалось, что такое обещание звучит слишком мелко и неубедительно. — Если он не сбежал с вашими деньгами, я на руках стоять буду и собственное дерьмо жрать!

Эту хлесткую фразу она недавно подцепила на просторах интернета и теперь ужасно гордилась своей находчивостью.

Столь яростная уверенность окончательно склонила чашу весов в глазах зевак на сторону тётушки Лю.

Чи Сянь покачал головой и решил, что представление затянулось.

— Мама, тётушка Лю, что здесь происходит? — спокойно спросил он, выходя из тени.

Соседи, только собравшиеся продолжить уговоры плачущей матери, разом смолкли и оглянулись. Толпа замерла в немом изумлении. А в глазах Чи Цююнь, её дочери и тётушки Сун одновременно вспыхнула безумная, облегченная радость.

Чи Сянь подошел ближе, мягко улыбаясь:

— Мама, тётушка Сун, Сяо Цин, я вернулся.

Прежде чем они успели издать хоть звук, Лю Цуйхуа, вытаращив глаза так, словно увидела выходца с того света, пролепетала:

— Т-ты... как ты здесь оказался? Почему ты вернулся?!

Чи Сянь не спеша повернулся к ней:

— Тётушка Лю, это мой дом. Мое возвращение — вещь вполне естественная, вам не кажется?

До собравшихся наконец дошел очевидный факт: парень действительно дома. А значит, никакого побега с последними грошами матери не было. К тому же в руках он держал увесистые свертки. Выходит, не врал про работу. Люди поняли, что напрасно поверили наветам вздорной бабы, и среди взрослых воцарилось неловкое, стыдливое молчание.

Зато детвора, крутившаяся тут же, никаким чувством такта не страдала. Мальчишек и девчонок занимал куда более насущный вопрос:

— Ой, бабушка Лю, вы же говорили, что если брат Чи ничего не украл, то вы будете на руках стоять и какашки лопать?

— Ура-а! Бабушка Лю сейчас будет какашки лопать!

— На руках стоять и лопать!

— Бабушка Лю, а помните, как мы в карты играли? Вы сказали: если мы выиграем — расскажем сказку, а если проиграем — принесем по полчашки крупы из дома. Мы тогда проиграли, испугались, что мамы ругать будут, и хотели отказаться. А вы давай читать нотации, мол, уговор дороже денег, мужчина должен держать слово! Мы поверили, принесли, а нас потом родители за воровство выпороли. Неужто вы сами теперь свое слово обратно возьмете?

— Да-да, уговор дороже денег! — загалдели остальные.

Пока взрослые соображали, как унять расшумевшуюся мелюзгу, Лю Цуйхуа успела позеленеть от ярости. В жизни она не терпела подобного унижения. Под градом детских насмешек ее глаза злобно сузились. «Ах так?! Раз уж мне суждено захлебнуться собственным ядом, я и вас за собой утащу!»

Она набрала в грудь воздуха и истошно заорала прямо в лицо Чи Сяню:

— Ладно! Вернулся — тем лучше! Живо отдавай те сто тысяч, что твоя семейка мне задолжала! Прямо сегодня, всю сумму до копейки, иначе я немедленно веду вас в полицейский участок! И не смей скулить о жестокости! Ты очернил честное имя моего сына, распустил грязные сплетни, будто его жена родила от чужака. А у нас, между прочим, бумага с печатью имеется — тест ДНК! Наш это ребенок, кровь от крови старой семьи Лю!

При этих словах толпа притихла, а лица Чи Цююнь, Сяо Цин и тётушки Сун вмиг сделались мертвенно-бледными. Видя их растерянность, Лю Цуйхуа почувствовала, как злоба, душившая ее изнутри, отступает, уступая место сладкому торжеству. «Жалкие нищенки... Вздумали со мной тягаться? Позабыли, чья петля у вас на шее стянута?»

Старуха уперла руки в бока и прикрикнула еще громче, упиваясь своей властью:

— Ну! Деньги на бочку!

Она прекрасно знала, что у семейства Чи нет за душой ни гроша.

— Впрочем, если платить нечем, есть другой выход. Встаньте-ка передо мной на колени, побейте поклоны да покайтесь хорошенько. Тогда я, так и быть, проявлю великодушие и дам вам еще пару дней.

Вокруг воцарилась звенящая тишина.

Именно в этот момент к дому протиснулся Ся Пэньюэ в окружении своей пестрой свиты из праздных приятелей-мажоров. Оценив обстановку, Ся бесцеремонно ухватил за плечо одного из стоявших в задних рядах мужиков:

— Эй, земляк, тут что за сыр-бор?

Тот даже не обернулся, жадно всматриваясь в разворачивающуюся драму:

— Да ты откуда свалился? Чи Сянь вернулся! Ну, тот самый хмырь, который пять лет назад обобрал собственную умирающую мать и укатил в закат...

И мужик в двух словах выложил всю подноготную.

Обокрасть родную мать на смертном одре и сбежать? А когда прижало — вернуться приживалкой к ней же и к младшей сестре?

Ду Гу и остальные золотые мальчики растерянно переглянулись, а затем синхронно уставились на Ся Пэньюэ. «И вот это ничтожество — тот самый великий покровитель, под крыло которого ты нас звал?» Даже они, прожигатели жизни и циничные бездельники, не опускались до подобной низости.

Ся Пэньюэ лишь безмолвно приложил руку к лицу. В его голове билась только одна ошарашенная мысль: «Бог Чи... Ты настолько крут, но твоя семья реально не имеет ни малейшего понятия об этом?!»

В этот момент рассказчик наконец соизволил обернуться на собеседника. Скользнув взглядом по Ся Пэньюэ и его свите, он вытаращил глаза и невольно выдохнул:

— Твою ж дивизию!..

Перед ним стояли холеные молодые люди в безупречно скроенных черных костюмах с иголки. А за их спинами, перекрывая узкую улочку трущоб, выстроилась внушительная кавалькада представительских черных седанов, около которых замерли вышколенные водители в точно такой же черной форме. Подобного шика в здешних краях не видели отродясь.

Заметив эффект, Ся Пэньюэ мгновенно сориентировался, и в его глазах зажегся азартный огонек. Он сделал Ду Гу и остальным едва заметный знак глазами. «Чего застыли, идиоты? Вот он — идеальный шанс выказать почтение нашему великому мастеру!»

Хотя в головах золотой молодежи роились сотни вопросов, они решили довериться чутью своего предводителя. Напустив на себя максимально серьезный вид, компания двинулась сквозь толпу, бесцеремонно расталкивая онемевших зевак.

Прежде чем Чи Сянь успел хоть как-то среагировать на шум, над площадью раздался звонкий, исполненный благоговения голос Ся Пэньюэ:

— Бог Чи!

Толпа инстинктивно расступилась, оборачиваясь на звук, и в этот момент Ду Гу с остальными парнями, как один, почтительно склонились перед Чи Сянем в глубоком, синхронном поклоне:

— Приветствуем вас, Бог Чи!

Ся Пэньюэ с каменным лицом перевел ледяной взгляд на застывшую с открытым ртом Лю Цуйхуа и негромко произнес:

— Бог Чи, прикажете разобраться с этой... особой?

Чи Сянь безмолвно поднял бровь.

Толпа зевак окончательно лишилась дара речи. От этой нереальной картины, от этих почтительных интонаций дорогих господ у многих закружилась голова.

Тишину нарушил чей-то благоговейный шепот из толпы:

— Матушка пресвятая... Чистейший сюжет из романов. «Легендарный Воитель возвращается из многолетнего изгнания и видит, что его престарелую мать и юную сестру обижает какая-то цепная собака. Один его яростный взгляд — и сто тысяч верных бойцов стирают обидчиков в порошок...»

<http://bllate.org/book/20654/2130840>